

Девушка из Корё кивнула:

— Господин угадал. Эта мелодия действительно рассказывает печальную историю любви — о девушке, которую разлучили с возлюбленным и выдали за нелюбимого.

Сердце Гу Хуайцина дрогнуло:

— И вправду печальная история.

— Кто бы спорил? — тихо вздохнула кореянка.

— Осмелюсь спросить, как вас зовут?

— Не смею, меня зовут Хунчжу.

Гу Хуайцин заметил, что она, пропев три песни, выглядит уставшей, и подвинул к ней блюдо со сладостями:

— Должно быть, вы ещё не ужинали, Хунчжу. Перекусите, пока есть возможность.

Та покачала головой:

— Благодарю, господин, я не голодна.

Гу Хуайцин нарочно поддразнил:

— Или, может, считаете угощение слишком простым? Слышал, в Корё есть пирожное «Морозный цветок» — говорят, изумительно вкусно. Жаль, мне так и не довелось попробовать.

Хунчжу на мгновение замерла, затем прикрыла рот рукавом и рассмеялась:

— Господин, похоже, вы немало знаете о наших обычаях! Но «Морозный цветок» — не просто лакомство. Его готовят девушки для своих избранников в знак признания.

— То есть жёны — мужьям?

— Не обязательно супругам. Можно и тому, кого любишь. Некоторые смелые девушки, встретив сердцу милого, тоже дарят такое пирожное, чтобы открыть свои чувства.

Гу Хуайцин задумался, взглянул на Хунчжу и спросил с лёгкой улыбкой:

— Слуга говорил, вы раньше служили придворными музыкантами в королевстве Корё. Как же вы оказались в Цинчжоу?

Вопрос, казалось, задел её за живое. Глаза Хунчжу наполнились слезами:

— Несколько лет назад в Корё началась война. Столицу захватили японские захватчики, королевская семья погибла или бежала, слуги разбрелись кто куда. Мы с отцом тоже бежали из дворца. Тогда в стране царили хаос и голод, народ вымирал. Чтобы спастись, мы уплыли с дальним родственником-рыбаком в Цинчжоу. Других умений у нас не было, вот и поём по трактирам, копим на обратную дорогу.

Гу Хуайцину стало жаль её. Он достал несколько золотых листков и протянул певице. Та вместе со стариком приняла подарок со слезами благодарности.

— Раз вы служили при дворе, — продолжил Гу Хуайцин, — то, наверное, знаете младшую дочь короля, принцессу Чжэнъи? Говорят, она была красавицей и большой искусницей.

Щедрость и доброжелательность Гу Хуайцина растопили настороженность Хунчжу. Девушка оживилась:

— Мы, музыканты, лишь изредка играли перед знатью. Принцесса — особа высочайшего рода, где уж нам с ней знакомиться? Но я видела её издалека. Она и вправду была благородной и прекрасной. Наш учитель, который обучал и принцессу, говорил, что та не только добра, но и чудесно играет на цине.

Старик за её спиной вдруг тяжело вздохнул:

— Эх, красота — судьба недолгая... Король уже стар, и, видно, королевскому роду Корё суждено пресечься.

Поговорив с ними, Гу Хуайцин расплатился и вышел. Встреча оказалась полезной — удалось собрать сведения. Теперь нужно было их обдумать и выудить зёрна истины. Погружённый в размышления, он верхом вернулся в лагерь.

За городским лагерем Дуань Минчэнь и гвардейцы в парчовых халатах как раз ужинали. Рядом сидел Сянъе Сюнфэй. Из-за его буйного нрава стража не спускала с него глаз: наручники снимали лишь во время еды или в уборной, а ножные кандалы не отпирали никогда.

Дуань Минчэнь, увидев Гу Хуайцина, вернувшегося с лошадью и отдающего вином, спросил:

— Вернулся? Где ужинал?

Вопрос был задан без подтекста, просто чтобы завести разговор. Но Гу Хуайцин, затаивший обиду, воспринял его как укол. Лицо его потемнело:

— Господин Дуань, вы слишком широко раскидываетесь. Разве я должен отчитываться перед вами, где я трапезничаю?

Несколько гвардейцев замерли с палочками в руках, искоса поглядывая на Дуань Минчэня. Напряжение между двумя мужчинами в последние дни висело в воздухе, смущая всех вокруг.

Дуань Минчэнь не ожидал такой вспышки. Он нахмурился и, не ответив, молча продолжил есть.

Гу Хуайцин тоже не ушёл. Скрестив руки на груди, он остался у входа в палатку, углубившись в свои мысли.

Лишь Сянъе Сюнфэй, довольно хихикая, уплетал ужин за обе щёки. Вмиг опустошив блюдо с говядиной, он похлопал себя по животу и рявкнул:

— Мясо без вина — что молитва без души! Тащите сюда вина!

Дуань Минчэнь приказал подчинённым подать кувшин. Сянъе Сюнфэй был запойным пьяницей, и без выпивки начинал буянить, мешая всем вокруг. Чтобы избежать проблем, Дуань Минчэнь договорился давать ему по кувшину за трапезу в обмен на спокойствие.

Вино подали в синем фарфоровом кувшине. Сянъе Сюнфэй жадно ухватил его, откупорил и с наслаждением втянул носом аромат. На его безобразном лице расплылась блаженная улыбка.

Один из гвардейцев брезгливо пробормотал:

— Пьёт каждый день. Допьётся до чёртиков!

Сянье Сюнфэй сделал вид, что не слышит. Вина было мало, и он не торопился, лишь смакуя маленькие глотки. Вдруг лицо его исказилось. Он схватился за горло, издавая хриплые звуки. Чёрно-синяя пятнистость поползла от шеи к лицу. Тело затряслось в конвульсиях.

Кувшин выпал из его рук, грохнулся о стол. Вылившееся вино зашипело, и деревянная столешница мгновенно почернела.

— Беда! Он отравился!

— Симптомы... похоже на мышьяк!

Дуань Минчэнь похолодел. Мышьяк был ядом стремительным, без вкуса и запаха, убивающим за несколько вдохов. Что делать?

Пока все метались в панике, Гу Хуайцин рванулся вперёд. Он схватил кувшин с водой, влил содержимое в глотку Сянье Сюнфэя, затем сунул пальцы ему в рот и принялся давить на корень языка, вызывая рвоту.

— Быстро! — крикнул он, не прекращая действий. — Несколько яиц, нужен белок!

Дуань Минчэнь опомнился и, видя, что Гу Хуайцин действует уверенно, тут же распорядился принести яйца.

Гу Хуайцин заставлял отравленного пить воду и рвать, пока из него не пошла чистая жидкость. Затем влил в него взбитый яичный белок.

После этих мучений Сянье Сюнфэй был на волосок от смерти, но всё же остался жив.

Гвардейцы смотрели на Гу Хуайцина с новым почтением. В народе отравление мышьяком считалось смертным приговором, а он сумел вырвать человека из лап смерти. Вот это мастерство!

Гу Хуайцин с облегчением выдохнул и вытер рукавом пот со лба:

— Повезло, что выпил мало. Иначе никакие силы небесные не спасли бы.

Он от природы был брезглив, и только крайность заставила его совать пальцы в чужую глотку. Руки были перепачканы слюной и желудочным соком — гадость редкостная. Гу Хуайцин ушёл вымыться и переодеться, лишь затем вернулся.

Дуань Минчэнь распорядился отнести Сянье Сюнфэя на отдых и срочно выяснить, откуда взялось отравленное вино.

Гвардейцы вскоре доложили:

— Господин, пропал повар Лао Лю, отвечавший за готовку.

Дуань Минчэнь нахмурился:

— Найти его!

Через некоторое время вернулся младший офицер:

— Тело Лао Лю нашли в роще позади лагеря.

Дуань Минчэнь лишь кивнул — он уже ожидал такого:

— Где? Покажите.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин последовали за офицером в небольшую рощу за лагерем. На земле лежал мужчина в грубой холщовой одежде. Вокруг растекалась лужа крови.

Офицер доложил:

— Мы опросили людей. Лао Лю отвечал за закупку провизии и вина. Вино, которое пил Сяньэ, тоже принёс он. Те, кто работал с ним, говорят, что он всегда был честным и тихим, заботился о больной матери. Но последние пару дней был сам не свой — то и дело задумывался, выглядел озабоченным. Сегодня, закончив готовку, он вышел из лагеря в одиночестве. Все подумали — на прогулку. Но он не вернулся. Потом случилось отравление, мы пошли по следам и нашли его здесь...

<http://bllate.org/book/16283/1466940>